

О
Т
А
С
И
О
Р
И

Ч
Е
Т
Ы
Р
Е

М
И
Н
У
Т
Ы

Т
Р
И
Д
Ц
А
Т
Ь

Т
Р
И

С
Е
К
У
Н
Д
Ы

К
О
Ф
Е
Й
Н
Я

ИЗМЕНИ
СУДЬБУ,
пока
варится
КОФЕ

Сиори Ота
Кофейня «4 минуты
33 секунды»
Серия «Лисье чаепитие.
Книги, исцеляющие душу»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74418666

Ота Сиори. Кофейня «4 минуты 33 секунды»: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-253262-7

Аннотация

Если бы вы могли ненадолго вернуться в прошлое... Что бы вы сделали?

Школьница Химари Мисаки не понаслышке знает, что такое сожаление. В детстве она была вынуждена покинуть родную Японию, а после несчастного случая – вернуться, потеряв возможность и желание заниматься любимым делом.

«Новое место – новое начало», так говорят. Но Химари страшно: как сложится жизнь, как примут ее одноклассники?.. Волею случая она попадает в таинственную кофейню, и с шагом внутрь начинается новая глава ее истории.

Хозяйка заведения варит особый кофе: его аромат позволяет вернуться в прошлое и исправить ошибки. Но у посетителей

есть лишь 4 минуты 33 секунды, чтобы успеть избавиться от сожалений. Очарованная, Химари все чаще возвращается в кофейню, чтобы помочь посетителям изменить будущее.

Но как скоро она захочет переписать и свою судьбу?

История в популярном жанре healing novel про кофейню, где каждый человек может изменить свою жизнь, но на это ему дается короткое время, за которое варится чашка его кофе.

Японский хит, завоевавший внимание читателей на книжной выставке в Лондоне!

Истории о людях с разными судьбами, которых объединяет одно – желание изменить ошибки прошлого.

Идеальная книга, чтобы не просто скоротать за чтением пару вечеров, но и подумать: притягательный вайб загадочной и мудрой Японии, магический реализм, путешествия во времени, психологизм и тема исцеления, ставшая сверхпопулярной за последнее время из-за сочетания интересного сюжета, ярких, неподдельных эмоций и глубоких мыслей, волнующих многих.

Теплая обложка от художницы RICO HAKARI.

Содержание

Первая чашка	7
1	8
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ота Сиори

Кофейня «4 минуты 33 секунды»

Ota Shiori. The 4-Minute 33 Second Coffee Shop
(MAJO NO IRU COFFEE TEN TO 4-PUN 33-BYO NO
TIME TRAVEL) Vol 1

© 2023 Ota Shiori

All rights reserved.

Original Japanese edition published by Bungeishunju
Ltd. in 2023

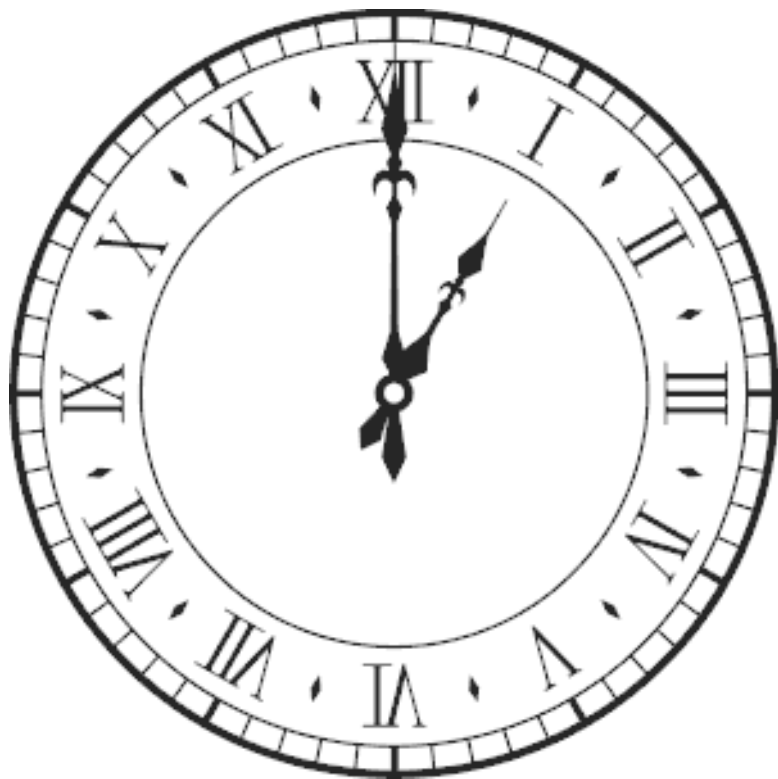
Russian translation rights reserved by EXEM LICENCE
LIMITED, under the license granted by OTA Shiori
arranged with Bungeishunju Ltd. through Japan UNI
Agency, Inc. and Vicki Satlow of The Agency, srl.

Первая чашка

Прелюдия без продолжения

Вдруг – автомобильный гудок. Сигналили не мне, но резкий звук меня напугал. Ля, до... Когда расстроена, я начи-

наю различать ноты в городском гуле.

Сегодня шум толпы особенно раздражает. Слишком много людей, слишком много вещей. Город Саппоро одновременно и большой, и маленький. Высотных зданий довольно много, и даже метро есть. Все для комфортной жизни. Но для по-настоящему важных дел Саппоро слишком мал. Непозволительно мал. Например, для того, кто хочет стать пианистом мирового уровня.

Когда отца перевели по работе за границу, моя мать не пожелала отказываться от привычного уклада жизни и решила не уезжать из Японии. Она перебралась из Саппоро в Обихиро, где жили ее родители. Мне тогда было три года, а сестра еще не родилась.

В доме у бабушки, которую я обожала, стояло старенькое пианино. Плохо настроенный инструмент постоянно фальшивил, однако меня, еще совсем маленькую, его звуки забавляли. Однажды я сыграла песню из любимой детской передачи – хотя раньше никогда не училась музыке. Взрослые немало удивились и отвели меня к преподавателю.

Я оказалась одаренной. Лишь раз услышав мелодию, я могла тут же сыграть ее на пианино. А самое замечательное – я была маленькой. Взрослые приходили в восторг, видя, как старательно я вытягиваю свои крошечные ручки и сколько усилий прикладываю, чтобы нажимать на клавиши. Меня приглашали в разные телепередачи, я участвовала в ме-

роприятиях по всему Хоккайдо и выступала со знаменитостями. Я любила музыку, любила радовать мать и бабушку, поэтому много играла. Все были довольны, пока я слушалась взрослых.

А потом случилось то же, что и с другими вундеркиндами. Я ходила в детский сад и школу, росла, и со временем божественный дар стал меня покидать. Все-таки боги хранят только маленьких детей.

Однако моя мать продолжала видеть во мне божью искру. Она отказывалась признавать, что я обычный ребенок, и решила отдать меня в музыкальную школу за границей. Если бы меня отправили к отцу, я бы даже обрадовалась, но мать выбрала Англию.

Тогда я еще ходила в начальную школу. По мнению матери, развиваться в музыке мне мешала обстановка. И плохие учителя. Ведь Саппоро и Обихиро, как и Япония в целом, слишком малы, чтобы позволить мне отточить навыки. Однако моя мать, когда-то не поехавшая за рубеж с отцом, сопровождать меня, разумеется, тоже не планировала. Так я оказалась вынуждена жить одна в чужой стране, язык которой почти не знала, и учиться музыке. Впрочем, результатов эта учеба почти не дала. Я больше не была одаренной. Может, притворяясь вундеркиндом, я разгневала богов?

Потом произошел несчастный случай. Я мало что помню о том времени. Страх почти стер мне память. Очнулась на

больничной койке — жизнь мне спасли, но пальцы на левой руке почти не работали. Врачи, в отличие от богов, меня не оставили и даже сумели вернуть пальцам подвижность, однако играть я больше не могла, пришлось вернуться в Японию.

Примерно в это же время умерли бабушка и дедушка, с которыми жила моя мать, и она после развода с отцом снова переехала в Саппоро. Хотя я там родилась, города почти не помнила. И вот мне, потерявшей возможность исполнять музыку, пришлось начинать новую жизнь в незнакомом городе. В этом маленьком, но кажущемся таким большим городе.

Хорошо быть канарейкой. Даже если не сможешь петь, хотя бы останешься красивой. А у меня было только пианино. Все взрослые вокруг меня это повторяли. «Жизнь с чистого листа». Мол, начинать ее всегда лучше на новом месте.

Однако я хотела начинать заново в знакомой обстановке, среди знакомых людей. Моя мать даже не пытается понять, как мне страшно. Вряд ли она может представить, что я чувствую, идя в новую школу, еще и спустя месяц после начала учебного года из-за лечения и переезда. А я хорошо знаю, что такое страх. Узнала еще в Англии. За четыре с лишним недели одноклассники уже наверняка успели подружиться, а я вряд ли смогу влиться в сложившуюся компанию. Новая школа меня пугает. Чтобы разговаривать с малознакомыми

людьми, мне не хватает уверенности.

Тем не менее наступило утро. Шагнув за дверь, я оказалась под ослепительно-голубым небом без единого облачка. Солнце светило немилосердно ярко. Мама была рада, что мой первый школьный день выдался таким ясным, а я, переступив порог дома, едва сдерживала вопль отчаяния.

– Химари, ты мешаешь.

Моя младшая сестра Нанока, оттеснив меня, вышла из дома. Она намного смелее меня, хотя учится только в четвертом классе.

Ох, как же мне все это противно.

На глаза навернулись слезы. Блузка со слишком длинными рукавами, тяжелый блейзер, рюкзак за плечами, утренний запах неизвестности – ненавижу это все.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Ненавижу, терпеть не могу.

Невыносимо.

Никакой новой жизни здесь никогда не получится.

Я уже готова прыгнуть под колеса машины, чтобы покончить с мучениями... Нет, не смогу – слишком боюсь боли. И даже если бы я умерла, мама все равно бы считала себя главной пострадавшей. Как после моего возвращения из Англии.

Не хочу никуда идти.

Но выбора нет. Если останусь дома, меня ждут бесконечно долгие часы наедине с матерью, которая до сих пор верит, что я снова научусь играть. Чувствуя, как сердце замирает

с каждым вдохом, я медленно побрела в сторону школы и вскоре стала свидетелем ошеломляющей сцены.

– Эй ты! Еще выше юбку не могла задрать? Извращенцам понравится, так что давай, не стесняйся! А ты ручку сумки еще длиннее сделай, чтоб по земле волочилась! Эй! Да, ты, я к тебе обращаюсь! Не в телефон пялься, а на дорогу смотри! На дорогу!

В солнечный день эти резкие выкрики казались еще абсурднее. Проходящих мимо школьников ругала на чем свет стоит тетенька – нет, если присмотреться, скорее бабушка. Она стояла у своего дома, окруженного живой изгородью из рододендронов. Из-за яркого наряда в красных, желтых и фиолетовых оттенках, похожего на этнический, я не сразу поняла, сколько ей лет, но ей было, наверное, за шестьдесят. Седые волосы, выкрашенные в сиреневый цвет, были подвязаны банданой, в руках женщина держала метлу, а из ее рта один за другим вырывались ехидные комментарии.

Я вот не умею повышать голос. Начинаю потеть и заикаться, если нужно просто заговорить с незнакомым человеком. Впрочем, перебежав дорогу не по пешеходному переходу, я привлеку еще больше внимания, да и докричаться до меня на другой стороне улицы этой женщине наверняка не составит труда. Ох, что же мне делать?..

Ладно, с завтрашнего дня буду ходить другим маршрутом. А сейчас остается только опустить голову и стерпеть унижение.

Стараясь не поднимать глаз и затаив дыхание, я зашагала по тротуару, молясь, чтобы женщина меня не заметила.

Не вышло.

– Эй ты!

Я промолчала.

– Эй ты, мелкая... Да-да, ты! Иди-ка сюда!

Ох, какой кошмарный день!

– Хорошо...

Мои молитвы никто не услышал – женщина обращалась ко мне. Наверное, я могла бы просто убежать, но была слишком напугана, поэтому неохотно подняла голову. Вблизи я заметила на ней еще больше ярких цветов. На веках зеленые тени с золотистым блеском, на губах оранжевая помада.

Пугающе. Просто до жути.

Моя бабушка тоже красилась, но всегда выбирала мягкие пастельные цвета, не настолько вызывающие.

– Э-э... Доброе утро... – сказала я и кивнула.

Опасалась, что за молчание получу еще больше ругани.

– И тебе того же. А что у тебя с лицом? Такое мрачное, будто тебя постоянно поливает дождиком из личной тучи.

– Что, правда?

Вообще-то хорошо бы и впрямь начался ливень. А еще лучше, чтобы налетел торнадо, занятия в школе отменили, а меня вместе с домом унесло в страну Оз.

– Раньше я тебя здесь не видела. Хотя носишь форму местной средней школы... Что случилось? Раньше другой

дорогой ходила? Или в неприятности угодила? – с подозрением спросила женщина, словно смогла заглянуть мне в душу. Ее голос оказался приятным, как тенор-саксофон.

– Ну... Мы переехали, я лежала в больнице – много всего произошло. У меня сегодня первый день в новой школе.

– В больнице лежала? С чем-то серьезным?

– Ну... В общем, несчастный случай.

Я показала ей перевязанную левую руку, и женщина нахмурилась сильнее прежнего.

– Еще не зажила?

– Швы почти зажили, но врач говорит, что лучше пока носить повязку.

Видимо, услышав про швы, женщина поняла, что травма у меня была серьезная. Как и другие взрослые, она смотрела на меня с сочувствием. Это выражение лица я видела неоднократно. Дальше последуют фразы вроде «Будь благодарна, что осталась жива» или «Главное, не сдаваться, и дела пойдут на лад. Скоро сможешь снова играть». А я каждый раз думаю: кого я должна благодарить и как все наладится, если даже врачи в это не верят?

Однако женщина с облегчением произнесла другие слова:

– Значит... У тебя больше ничего не болит?

– А? Ну... Пальцы болят, но только когда я поднимаю что-то тяжелое. Если не перенапрягаться, то ничего не болит.

– Ясно... Что ж, это хорошо. Болеющему ребенку невозможно не почувствовать. Это хорошо, хорошо... Тогда поче-

му у тебя такое лицо, как будто на похороны идешь? Ты же в школу направляешься, а?

Я промолчала.

– Ты что, не хочешь в школу?

– Так ведь учебный год начался месяц назад, теперь друзей уже не завести. И в новом городе страшно, а вдруг надо мной издеваться будут...

Услышав мой ответ, женщина снова нахмурила брови.

– Саппоро не такой уж большой город. Хотя и деревней его тоже не назовешь, верно?

Да уж, он в любом случае лучше, чем Обихиро или какой-нибудь городок в английском захолустье. Но почему взрослые так уверены, что я должна хотеть в школу? За прошедший месяц в классе уже все перезнакомились и разделились на группы. Влиться сейчас будет очень трудно – неужели взрослые этого не понимают? Может, им воображения не хватает?

– Я знаю, что в школу ходить так или иначе придется, но... Можно было хотя бы не переезжать.

В прежней школе, даже придя на уроки через месяц после начала учебы, я бы нашла себе подруг, с которыми не побоялась бы заговорить.

– Понятно... Но твои одноклассники наверняка слышали, что ты не ходила на учебу из-за болезни.

– Ну... Наверное.

– Вот и славно. Люди не могут обижать и запугивать тех,

кто очевидно слаб и жалок. Все ведь хотят казаться великодушными. Если ты с первого взгляда вызываешь жалость, издеваться над тобой не станут. Вот если ребенок добрый и не может дать отпор, не умеет постоять за себя и слегка отличается от других – другое дело.

Уверенным видом я похвастать не могу, но вызываю ли я жалость с первого взгляда?

– Что ж... Я поняла.

На самом деле было немного... Нет, очень даже обидно.

– Ты маленькая и хрупкая, еще и рука забинтована. Я уверена, что все сразу начнут тебя жалеть. Воспользуйся этим в своих интересах.

– Воспользоваться? Как-то не горю желанием.

– Если в руки попадает оружие, надо извлечь максимум пользы. Бедняжка страдает, но пытается не подавать виду и улыбаться как ни в чем не бывало. Вот какое впечатление тебе нужно производить.

– То есть... Я должна вызывать у всех сочувствие?

Видя мое замешательство, женщина покачала головой, и серьги в ее ушах зазвенели.

– Это даст тебе начальное преимущество. А там, глядишь, и форма на тебе станет хорошо смотреться. В первом классе она почти на всех болтается. А когда будешь заканчивать среднюю школу, форма сядет как влитая, осанка будет красивая, волосы – блестящие... Такой девочке никто и слова грубого не скажет.

– Но я же...

– Никаких «но». Тебе нужно с чего-то начать. Как только подружишься с ребятами, все поймут, какая ты замечательная, и полюбят тебя.

Она говорила с серьезным лицом, положив руки мне на плечи. Странная женщина. Сама она вовсе на «хорошую девочку» не похожа. Да и обо мне ничего толком не знает.

– Я совсем не замечательная...

– Неужели? А много ли детей вежливо поздоровались бы с грубой крикливой старушенцией?

– Ну...

– Вот и не напускай на себя мрачный вид, улыбнись. Никто не может дурно обойтись с улыбчивой девчушкой. Ничего не бойся и иди вперед, хорошо?

– Хорошо...

На самом деле никакая я не замечательная. Если бы меня не окликнули так настойчиво, я бы тоже удрала, как и другие дети. Но хотя видела ее впервые в жизни, отчего-то слова этой женщины запали мне в душу. Может, благодаря мягкости и глубине ее голоса. Или мне просто впервые сказали что-то подобное.

– А если тебя все-таки кто-то посмеет задирать – сразу скажи мне. Я возьму метлу и отшлепаю каждого мелкого наглеца!

– Нет-нет, так нельзя! Это же насилие! – Я забеспокоилась, что она действительно может выкинуть такой номер.

– Да уж, мир явно стал сложнее устроен, – нахмурившись, пробормотала женщина. Старики иногда говорят какую-то невнятицу. Потом она добавила: – Не волнуйся, пожилому человеку дать сдачи ни у кого рука не поднимется. Так что буду охранять тебя, как верный самурай.

– Ага, пока кто-нибудь полицию не вызовет.

Женщина вдруг взмахнула метлой, словно катаной, и я не смогла удержаться от смеха. Она тоже громко рассмеялась.

– Вот ты и развеселилась, – сказал она, нежно ущипнув меня за щеку. – Ох, а ведь ты уже опаздываешь! Нехорошо это, в первый же день. Ступай на уроки.

Я и правда уже довольно долго стояла у дома женщины. Однако я чувствовала, что накопившиеся гнев и печаль, расплавленным железом разъедавшие мне сердце, начали немного отступать.

– Если будет казаться, что над тобой сгустились тучи, помни, что выход есть всегда, и не вешай нос. Попробуй что-нибудь предпринять, а если не получится, то бросить не зазорно. И ты не обязана мириться с тем, что тебе не нравится. Поняла? – Ее голос и ласковый взгляд напомнили мне о покойной бабушке.

– Поняла. Ну, я пойду.

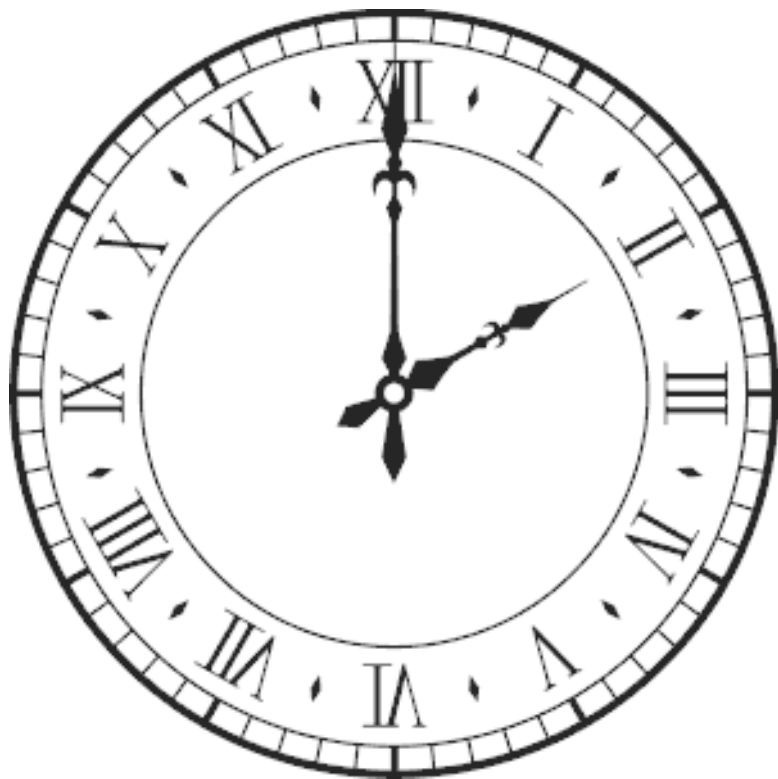
– До встречи, милая.

Я поклонилась и зашагала в сторону школы. Обернувшись, я увидела женщину, которая провожала меня взглядом. Она улыбнулась и слегка взмахнула метлой, как бы под-

гоняя меня.

Раньше я бы никогда не завела беседу с незнакомкой и уж тем более не стала бы откровенничать. Однако эта пожилая женщина мне понравилась – может, благодаря эксцентричности и яркой одежде. Я чувствовала заботу в ее голосе, и прежде никто из взрослых не говорил со мной так, как она.

– Всё, я пошла... – прошептала я, стиснув здоровой рукой перевязанную.

В первый школьный день я по бабушкиному совету старалась улыбаться, хоть меня и подташнивало при каждом

вдохе. Я то и дело с усилием расправляла плечи и без конца одергивала подол форменной юбки. Не зная, насколько успешно мне удастся выдавливать из себя улыбку, я лишь надеялась, что не выгляжу хмурой.

– Как я вам уже говорила, Мисаки с детства играет на пианино и училась музыке за границей, – обратилась ко всем классная руководительница по фамилии Мурасава, которой очень шло каре. – Произошел несчастный случай, поэтому она вынуждена была вернуться в Саппоро. Думаю, Мисаки может многое вам рассказать о жизни в другой стране, но и ей самой иногда потребуется ваша помощь. Не обижайте друг друга и постарайтесь подружиться.

Мне отвели парту в середине второго ряда, то есть почти в самом центре класса, и когда я садилась, все взгляды были устремлены на меня.

– Ну, скорее всего, беседы с вами вести бесполезно, так что на этом, пожалуй, обсуждение новых кадров я закончу. – Учительница рассмеялась.

Меня тут же окликнула соседка справа, девочка с двумя низкими хвостиками.

– Привет! Меня Яманэ зовут. За границей учиться, наверное, здорово. А я тоже на пианино играю. Тебе какие композиторы лучше давались?

– М-м... Ну, Шопен, Рахманинов...

– Ого! Круто! Вот это размах!

Стоило мне открыть рот, как вслед за Яманэ со мной на-

чали заговаривать и другие девочки, сидящие рядом. Потом один мальчик, застенчиво опустив глаза, спросил, правда ли в Англии вся еда невкусная, – и в итоге мы проболтали до начала уроков.

А ведь я так волновалась. И была жутко напугана. Видимо, как и предсказывала та женщина, на слабых нападать никто не собирался. Чего же я так боялась?

Слегка пугающим мне показался только один мальчик со спортивной стрижкой, сидевший за мной слева. Звали его Титосэ. Он был одного со мной роста – а я невысокая, – поэтому выглядел младшеклассником. Зато смотрел на меня таким тяжелым взглядом, что хотелось съежиться и стать невидимой. Я ему чем-то не понравилась? Может, у него было плохое настроение, а тут из-за меня еще и шум поднялся...

Так или иначе, все, кроме Титосэ, вели себя со мной очень любезно: провожали до нужного кабинета, рассказывали про учителей. Яманэ даже предложила пообедать вместе с ней и ее подругами.

– Так, значит, раньше ты жила в Обихиро? – спросила Оикава, девочка в очках из параллельного класса.

– Да. Мы построили дом в Саппоро, но отца отправили работать за границу. Сестра была еще младенцем, когда мы переехали в Обихиро к бабушке с дедушкой. Так что о Саппоро я почти ничего и не помню.

– А родилась ты в Саппоро, да? – уточнила Тани, мило-

видная девочка с косичками.

Яманэ, Оикава и Тани в младшей школе были одноклассницами. Они со смехом рассказали мне шутку про то, что в их фамилиях есть иероглифы «река», «гора» и «долина», — географическое трио.

— Да, жила здесь лет до трех, но уже ничего о том времени не помню. Потому я так удивилась, когда сегодня меня окликнула какая-то странная пожилая женщина.

— По дороге в школу?

— Да. Она еще так ярко одета была.

— Ее зовут Сугиура. Приставучая, да?

Трое подружек переглянулись с понимающими улыбками.

— Ну, зато она уже много лет, хоть в дождь, хоть в снег, приглядывает за детьми, идущими в школу. Хорошо это или плохо, но ее тут все знают. — Яманэ, похоже, не считала старушку такой уж злой. — С виду она суровая, но зимой по утрам расчищает тротуар, чтобы школьникам не пришлось выходить на проезжую часть или утопать в снегу.

Тани согласилась и добавила, что младшеклассникам зимой позволяют носить теплые штаны и куртки, а вот ученики средних и старших классов обязаны быть в школьной форме, поэтому помощь Сугиуры очень кстати.

— Значит, не такой уж она плохой человек.

— Ага, иначе была бы как ведьма из сказки!

Оикава рассмеялась, за ней Тани и Яманэ, а потом и я тоже. Я и раньше чувствовала, что та женщина... То есть Су-

гиура, на самом деле не злая. Ведь если бы она не встрети-
лась мне сегодня утром, вряд ли я смогла бы так весело сме-
яться сейчас. Я думала, что часы в школе будут тянуться му-
чительно, а они пролетели совсем незаметно.

После уроков учительница коротко поговорила со мной
о дополнительных заданиях, чтобы наверстать пропуски, и
отпустила меня домой со словами: «Ты, наверное, утомилась
в первый день». Я обрадовалась – потому что действительно
устала, а еще потому, что не терпелось кое-куда попасть.

Когда я вышла из школы, небо уже сменило цвет с яр-
ко-синего на нежно-голубой. Свет солнца, утром казавший-
ся ослепительным, теперь тоже стал мягче, и мне захотелось
глубоко вздохнуть с облегчением. Я слышала, что в Саппоро
сезон сакуры начинается рано, но у школьных ворот стояли
поздноцветущие махровые вишни и еще какие-то деревья с
ароматными цветами. Интересно, как они называются? Де-
ревья были покрыты белыми, розовыми и сиреневыми шап-
ками, похожими на соцветия гиацинтов. Размышляя о них,
я пошла домой той же дорогой, что в школу утром. Видимо,
эти деревья здесь многие сажали – вдоль тротуара я увидела
их же. Утром даже не обратила на них внимания.

Вскоре показался дом бабушки Сугиуры. Ее самой у огра-
ды не было, ведь сейчас в школу уже никто не шел. Я загля-
нула в просвет в живой изгороди – Сугиура чем-то занима-
лась в саду. У дома стояло такое же дерево с темно-розовы-
ми цветами. Бабушка меня не замечала, и я хотела было уй-

ти, но все же набралась смелости.

– Я видела здесь много таких деревьев. Как они называются?

Сугиура вздрогнула, посмотрела на меня, а потом с улыбкой поднялась на ноги.

– Это сирень. Городская администрация каждый год бесплатно раздает саженцы, поэтому весной они цветут во всех садах. Они еще не распустились в полную силу, но даже сейчас красивые. Люблю эти цветы.

– Сирень... Кажется, я про нее слышала. Значит, она не полностью расцвела?

Я пригляделась – среди крошечных цветочков с четырьмя лепестками виднелись еще закрытые бутончики. Выходит, это не один большой цветок, а много маленьких, как у гортензии!

– А ты повеселела, как я посмотрю, – сказала Сугиура.

– День прошел хорошо, как вы и предсказывали, бабушка, – ответила я, не переставая нюхать веточку сирени.

– Вот видишь! Только не называй меня бабушкой. Когда ко мне так обращаются, я вдруг чувствую себя старой. – Бабушка... То есть Сугиура, скривилась и покачала головой. – Лучше просто Сугиура. А тебя как зовут?

– Химари Мисаки. Отец выбрал такое имя, потому что оно похоже на слово «подсолнух».

– Красивое имя. А я как раз подсолнухи высадила. Скоро вырастут большущие цветы и будут ребятишек радовать, –

сияя улыбкой, сказала Сугиура. Как и говорили девочки, она и впрямь заботится о проходящих мимо детях.

Мне вдруг подумалось, что ей следовало бы носить что-то менее вызывающее, но я тут же себе напостила – неправильно судить о людях по внешности. Мне бы не понравилось, если бы другие люди называли мою одежду странной.

– Помочь вам чем-нибудь? – спросила я, отгоняя противоречивые мысли. Хотелось отблагодарить Сугиуру за советы.

– Да, буду признательна.

– Когда моя бабуля была жива, я любила помогать ей в саду.

Я соврала. На самом деле мать не разрешала мне заниматься садоводством, чтобы не повредить руки. С другой стороны, мне и правда очень хотелось помогать бабушке.

– Что ж, тогда я вдвойне рада.

Поскольку я была в школьной форме, мне досталась только негрязная работа: повыдергивать сорняки, посадить в землю несколько семян и полить их из лейки.

– Благодаря такому имени тебе даже цветы в саду радуются и говорят спасибо.

Не то чтобы я поверила, но отчего-то ощутила прилив счастья. Я вытерла пот со лба – хотя старалась не испачкаться, на лице остались грязные полосы. Сугиура улыбнулась.

– Давай зайдем в дом? Вымоешь руки как следует, а я налью нам чего-нибудь холодненького попить.

– Ну...

Честно говоря, предложение меня насторожило. Все-таки Сугиура чужой человек. А в дом к чужим людям заходить нельзя.

Однако я понимала, что Сугиура приглашает меня без всякого злого умысла, да и она сама мне нравилась. Общаться с незнакомцами нельзя, потому что я еще ребенок. Хотя все знакомые люди когда-то были незнакомцами, а я больше всего на свете хочу сама выбирать, кому доверять...

– Впрочем, сегодня не так уж и жарко, так что можешь остаться в саду, – заметив мое замешательство, сказала Сугиура.

– Нет-нет, если я не помешаю, то с удовольствием зайду в дом...

– Ладно, постой тут. Я сейчас принесу полотенце, сможешь помыть руки под краном вон там.

Сугиура показала мне кран для полива растений, и, намыливая руки, я чувствовала желание извиниться. Сугиура вернулась с полотенцем и подносом со стаканами, в которых покачивалась темно-коричневая жидкость. Пузырьков газа я не увидела – наверное, это был холодный кофе. Оставив дверь веранды открытой, Сугиура опустила поднос на пол, а к нему придвинула садовый стул и небольшую складную лестницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.